Е. Ю. Борисёнок
(Москва)

Путь к украинизации: национальная политика большевиков в первые годы советской власти (1917–1923)*

Проблема взаимоотношений центральной власти и советских республик занимает одно из центральных мест в политической истории России после октября 1917 г. Особое значение в данной связи приобретает пресловутый национальный вопрос и методы разрешения его большевиками путем так называемой коренизации партийного и советского аппарата в республиках. Несомненный интерес представляет данный процесс в Украинской ССР (украинизация) в связи как со своим необычайным размахом, так и со множеством возникающих при его изучении вопросов.

Происхождение термина «украинизация» заслуживает особого внимания, так как родился он задолго до принятия XII съездом большевиков курса на коренизацию. Я. Р. Дашкевич считает, что понятие «украинизация» появилось еще в дореволюционные годы и было образовано по аналогии с такими терминами, как «германизация» и «русификация» [1]. Авторство принадлежит, как указывают Я. В. Верменич и Д. В. Бачинський, М. С. Грушевскому, впервые упомянувшему об украинизации на страницах сборника «Освобождение России и украинский вопрос» (1907) [2]. Термин довольно широко использовался и во время революции и гражданской войны, и в период строительства советской Украины. Действительно, украинизация проводилась как национальными правительствами в период украинской революции, так и большевиками на территории Украинской Советской Социалистической Республики. Нередко современные украинские ученые воспринимают украинизацию – и буржуазную, и советскую – как дерусификацию. Вполне справедливо критикуя подход советской историографии, связывавшей украинизацию с социалистическими завоеваниями, украинские ученые рассматривают национальную политику РКП(б) как реакцию на так называемое украинское национальное возрождение, придавая последнему первостепенное значение в социально-политической и культурной жизни Украины. В этой связи проблема украинизации ставится в прямую зависимость от упорной борьбы украинской интеллигенции за развитие национальной культуры, незаслуженно недооценивается влияние курса большевиков в отношении национального развития различных народов и их культур, что приводит к однобокому восприятию украинизации. Последнюю же сле-

---

* Статья поддержана Российским гуманитарным научным фондом. Грант № 98-01-00366.

дует исследовать во всей полноте и сложности этого феномена, учитывая обе стороны процесса. Вклад украинской интеллигенции в развитие национальной культуры в 1920-е гг. был, несомненно, весьма весомым. Однако принятое партией решение о проведении украинизации весьма способствовало украинскому возрождению.

С этой точки зрения весьма интересно было бы рассмотреть предпосылки большевистской политики коренизации, проанализировать основные лозунги советской национальной политики, предшествовавшие XII съезду РКП(б), выявить факторы, оказывавшие влияние на национальную политику большевиков.

Как известно, лозунг самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства был необходим большевикам в основном на этапе разрушения самодержавия. Следует согласиться с выводом А. И. Вдовина о том, что «пролетарское государство, идущее на смену буржуазному и добуржуазному», марксисты-ленинцы видели прежде всего «единой и неделимой республикой». «Такое видение определяло их отрицательное отношение к расчленению России и какому-либо ослаблению централизма путем рассредоточения власти по федеративным и автономным частям государства, – пишет историк, – а если и допускало его, то лишь в определенных случаях: если нельзя было обойтись без федерации как формы перехода „к вполне единому государству“» [3].

Действительно, в таком основополагающем документе, как «Декларация прав народов России», были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Однако уже в январе 1918 г., на III съезде Советов, в докладе по национальному вопросу И. В. Сталин фактически ставит национальный вопрос в зависимость от классового, трактуя принцип самоопределения как право исключительно «трудовых масс данной нации» [4]. Как показала дискуссия по национальному вопросу на VIII съезде партии, многие большевики разделяли сталинский подход.

Как известно, В. И. Ленин занимал более осторожную позицию, критикуя «революционное нетерпение» своих товарищей по партии и указывая на необходимость считаться со сложной внутриполитической ситуацией в стране. Так, на Украине в конце 1917 – начале 1918 г. сложились два центра власти: первый – Центральная Рада и Генеральный Секретариат в Киеве, второй – Всеукраинский ЦИК и Народный Секретариат в Харькове. Гражданская война на Украине приняла ожесточенный характер: стремившаяся к суверенитету национальная буржуазия находила поддержку у стран-участниц заключительного этапа Первой мировой войны, в планы которых входило расчленение России.

В этих условиях украинский язык для национальных правительств был как бы символом суверенитета Украины. Центральная Рада, правительство гетмана П. П. Скоропадского, Директория Украинской Народной Республики стремились как можно шире проводить украинизацию, насколько это было возможно в условиях Гражданской войны. Центральная Рада, Ґетманат и Директория стремились придать украинскому языку официальный статус, создать сеть национальных учебных заведений, увеличить число украиноязычных изданий (газет, журналов), художественной и учебной литературы, библиотек, науки, музыкального и театрального искусства [5]. Несмотря на сопротивление пророссийски настроенной части государственного аппарата, украинский язык стал более активно применяться в политической жизни – в законодательстве, администрации, армии и т. п. Как вспоминал П. П. Скоропадский, «стоило только центральному русскому правительству ослабнуть, как немедленно со всех сторон появились украинцы, быстро захватывая все более широкие круги среди народа. Я прекрасно знаю класс нашей мелкой интеллигенции. Она всегда увлекалась украинством; все мелкие управляющие, конторщики, телеграфисты всегда говорили по-украински, получали Раду, увлекались Шевченко, а этот класс наиболее близок к народу» [6].

Большевикам приходилось исходить из сложившихся обстоятельств. Хотя многие коммунисты, уповая на грядущую мировую революцию, отвергали значение национальной культуры и считали нации принадлежностью безвозвратного исторического прошлого, в своей реальной политике им приходилось учитывать особенности менталитета «отсталого» населения, подверженного «национальным пережиткам». Продолжение русификаторской политики в этой ситуации было невозможно. Сохранение Украины как одного из «плацдармов социализма» в Европе настоятельно требовало нейтрализации «буржуазного влияния» на крестьянство как большинства населения Украины. В этой ситуации национальная окраска советской власти на Украине могла сыграть решающую роль: если остановить распад Российской империи было весьма проблематично, то было возможно бороться за установление в независимых республиках советской власти. Так, в записке по прямому проводу Н. В. Крыленко 24 ноября/7 декабря 1917 г. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду» [7]. Несколькими днями позднее, 29 ноября, В. И. Ленин в своей телеграмме Главкому И. И. Вацетису особо подчеркивал значение создававшихся областных временных советских правительств, «призванных укрепить Советы на местах» во время продвижения Красной Армии на запад. «Это обстоятельство имеет ту хоро-

шую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск, – писал он. – Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей»[8].

6 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило новое официальное название государства – Украинская Социалистическая Советская Республика. Стремясь упрочить свой контроль над Украиной, большевистские лидеры основную ставку делали на сохранение единства партии на территории бывшей Российской империи. Сепаратистские устремления украинских коммунистов вызвали в этой связи жесткую негативную оценку центра. Как известно, на Таганрогском партийном совещании 19-20 апреля 1918 г. были выдвинуты две резолюции по организационному вопросу. Первая, принадлежавшая перу Э. И. Квиринга, предусматривала создание автономной партии со своим Центральным Комитетом и со своими съездами, но подчиненной единому ЦК и съездам РКП(б). Автором второй резолюции был Н. А. Скрыпник, предлагавший создать самостоятельную коммунистическую партию, со своим ЦК и своими партийными съездами и связанную с РКП(б) лишь через III Интернационал. На совещании большинством голосов прошла резолюция Н. А. Скрыпника. Однако центральное партийное руководство в Москве не могло допустить такого развития событий: на I съезде КП(б)У 5-12 июля 1918 г. была принята резолюция, согласно которой КП(б)У входила в единую Российскую Коммунистическую партию. VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г. принял в связи с этим специальное постановление, в котором говорилось: «необходимо существование *единой* централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»[9].

Последнее обстоятельство приобретало особое значение в связи со стремлением сохранить государственное единство бывшей Российской империи. Осенью 1919 г. большевики предполагали приступить к «пропаганде полного слияния с РСФСР». Так, в проекте тезисов о политике на Украине, подготовленном к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., В. И. Ленин отмечает: «Пока – самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI. 19 „принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе

резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI-19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России"» [10].

В соответствии с намеченными планами Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» (28 декабря 1919 г.). Слова о том, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» способны решить вопрос о судьбе Украины, не могут ввести в заблуждение: несколькими строками ниже Ленин признает, что «среди большевиков есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией». О сторонниках полной независимости Украины в письме даже не упоминается. Уступки могли касаться лишь форм ее союза с Россией: «...мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса» [11].

Действительно, на уже упоминавшемся заседании Политбюро 21 ноября 1919 г. В. И. Ленин призывал к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям», считал необходимым «строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры». Особо внимательно, по мнению большевистского лидера, необходимо было наблюдать за «учительской спилкой», кооперативами и тому подобными мелкобуржуазными организациями на Украине; их надлежало взять «под особый надзор» и принять «особые меры для разложения». С этой целью необходимо было провести подготовку «особого кадра работников для Украины» [12].

Уже в этом документе прозвучала мысль об обязательном изучении украинского языка всеми должностными лицами, развитая чуть позже (2 декабря 1919 г.) в «Резолюции ЦК РКП(б) о советской власти на Украине». «Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, – отмечалось в резолюции, – члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России». Украинский язык надлежало превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс», для чего прежде всего необходимо было обеспечить советские учреждения достаточным количеством служащих, владеющих украинским языком [13].

Насколько важна была Украина для большевиков, свидетельствует относящаяся к этому же времени записка В. И. Ленина в Политбюро ЦК РКП(б): «Надо установить немедленно практическую, краткую, но существенную форму отчетов (2 раза в месяц) каждого работника партии с Украины...

За неприсылку отчетов *арестовывать*. Иначе прозеваем Украину» [14]. В телеграмме И. В. Сталину от 22 февраля 1920 г. В. И. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». Ленин подчеркивал, что это «безусловно необходимо» – «насчет языка все уступки и максимум равноправия» [15].

На практике «уступки» «националистическим тенденциям» выразились в издании множества постановлений и декретов о равноправии украинского и русского языков. Так, еще 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР принял постановление об отмене государственного языка и провозглашении равноправия всех языков. При этом большевики пытались противопоставить свою национальную политику национальной политике царского правительства. Признавая «своеобразное явление господства русской культуры при несомненном количественном перевесе украинского населения», Наркомпрос в качестве причин сложившейся ситуации указывал на проводившуюся ранее «насильственную русификацию». Отныне же, «считаясь [с] отменой государственного языка как такового [и] объявлением всех местных языков равноправными, нарком прос[вещения] предоставляет право населению на местах определять язык, [на] котором должно вестись преподавание [в] школах. При этом должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины...». Несмотря на провозглашенное равноправие, Наркомпрос УССР отдавал явное предпочтение украинскому языку, подчеркивая необходимость «активно работать [в] сторону развития укр[аинского] языка и укр[аинской] культуры». В качестве обязательного предмета в школах вводилось изучение истории и географии Украины, а также одного из местных языков [16].

21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках, и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военнореволюционных законов» [17]. 21 сентября того же года Совет Народных Комиссаров УССР принимает постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Постановление предусматривало обязательное изучение украинского языка во всех «учебно-воспитательных учреждениях с украинским языком преподавания», обратив особое внимание на «изучение украинского языка во всех... учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной

литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих [18].

Таким образом, в 1919-1920 гг. в декретах и постановлениях высших украинских органов власти были обозначены основные направления политики большевиков в отношении украинского языка и культуры: введение обучения на украинском языке, выпуск печатных изданий, обучение государственных служащих украинскому языку и т. п. О подобных мерах речь пойдет и в постановлениях по украинизации, принятых после XII съезда РКП(б) в 1923 г. Однако встает вопрос о практическом внедрении изданных распоряжений.

Пока не была официально провозглашена УССР, претворять в жизнь постановления о развитии украинского языка должен был Народный комиссариат по делам национальностей, при котором в мае 1918 г. был создан украинский отдел (позже – украинское представительство). В задачи данного отдела входила организация «украинского общественного мнения в пользу Российской Советской Федеративной Республики» [19]. Отдел должен был вести строгий контроль за проезжающими на Украину и обратно, «ибо много вредного элемента с определенной целью являются за пропусками». Культурно-просветительная и агитационная работа должна была вестись как среди «московской колонии украинцев и украинских красноармейцев», так и «военнопленными галичанами», а также «между приходящим элементом», «который часто очень мало знакомый с задачами Советской Власти». Предусматривалась и «посылка агитаторов на места». Отдельным пунктом значилась задача ликвидации «всех контр-революционных организаций» [20].

Идеологическая направленность большевистской национальной политики была особенно очевидна. Основное внимание большевики уделяли борьбе с «буржуазным влиянием» среди «масс трудового народа». Так, в начале мая 1918 г. руководители Наркомнаца одной из основных задач комиссариата считали борьбу с «контрреволюцией во всех ее национальных проявлениях». «Так как Советы и центральные учреждения Советской власти часто плохо разбираются в физиономии различных национальных обществ, учреждений и кругов, то Народный комиссариат по делам национальностей является тем органом, который в этом отношении должен оказывать Советской власти существенную помощь», – указывалось в одном из писем Наркомнаца, адресованном во ВЦИК [21]. «Идеологически вредными» считались все неподконтрольные большевикам общественные организации с национальной окраской. К последним относились и украинские «Просвіти».

Когда стало очевидным, что Украина не войдет в качестве составной части в РСФСР, главной задачей украинского представительства при Наркомнаце стала работа среди украинцев, «живущих в качестве национального меньшинства вне пределов Украины на территории РСФСР»[22]. На местах предполагалось развернуть широкую сеть местных подотделов украинского отдела Наркомнаца. Такие подразделения в разное время существовали в Ярославле, Тамбове, Калуге, Брянске, Орше, Курске, Петрограде, Самаре, Воронеже[23]. Борьба за политическое влияние была весьма жесткой. Представители Наркомнаца действовали в тесной связи как с местными исполкомами, так и с местными отделениями Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и Военного Управления. Таким образом действовал, например, Украинский Воронежский отдел, руководитель которого, некий тов. Москаленко, отмечал: «20-го октября с. г. (1918 г. – *Е. Б.*) указанный отдел начал функционировать... Контр-революционерам и буржуазии были сразу закрыты до сего времени открытые ворота. Многие контр-революционеры принимали меня за Украинского Консула, почему не стесняясь приходили за пропусками и служащие советской Красной Армии, бывшие офицеры, желающие поступить в ряды Красновской Армии, а также в ряды Армии пана Скоропадского. Подобные лица мною арестовывались». Репрессии проводились не только в отношении отдельных лиц, но и целых организаций. В том же Воронеже 27 октября 1918 г. была закрыта Украинская Воронежская Громада, «поводом к закрытию этой громады послужило контр-революционное направление этой организации». «При обыске обнаружено много литературы правых эс-эров, а также портреты профессора Грушевского и других врагов Советской власти». Разрушительную работу оказалось вести легче, нежели созидательную. Так, библиотеку и читальню открыть удалось, но попытка открыть школу для «младшего возраста беженцев и эвакуированных украинцев» потерпела поражение: желающих обучаться на украинском языке попросту не оказалось[24].

Организация местных украинских отделов на территории РСФСР не всегда проходила успешно, и украинское представительство Наркомнаца вынуждено было признать в качестве «печального факта», что «в широких кругах русского общества, не исключая даже ответственных советских и партийных работников, до сих пор еще существует полное непонимание значения всестороннего развития украинской национальной культуры, как основы строительства социалистического общества среди украинского народа». На деле это нередко приводило – «сознательно или бессознательно» – к печальным последствиям: «...по отношению к лицам украинского происхождения и даже к целым украинским организациям принимаются меры в лучшем случае тормозящие их деятельность, а в худшем – прямо... идущие в разрез с постановлением руководящих правительственных и партийных органов РСФСР»[25].

Данную характеристику можно вполне распространить и на советско-партийный аппарат УССР, русскоязычный по своему составу. Несмотря на обилие постановлений о развитии украинского языка и культуры, в УССР в 1922 г. украинских школ было лишь 50% от всего наличного состава; подавляющее большинство высших и средних специальных учебных заведений было русскоязычным (на украинский язык перешли в 1923 г. лишь 17,1% институтов, 16,3% техникумов и 1,9% профшкол); в 1920-1921 гг. выходило 7-10 украинских газет[26]. Объяснение сложившейся ситуации содержится в одном из рабочих документов украинского Совнаркома – справке, подготовленной в 1924 г. Я. Ряппо для В. Я. Чубаря, возглавлявшего в тот период Совет Народных Комиссаров УССР. В этом документе подводился итог усилиям партии в области украинизации. Основные трудности с украинизацией возникали в городах, где население в своем большинстве говорило на русском языке, тем более что за годы гражданской войны и интервенции здесь проводилась украинизация то «по-гетмански, то по-петлюровски»; были и периоды русификации «по-царски, по-деникински». «Менялись вывески и формы, но содержание оставалось за указанные годы старым – либо русско-черносотенным, либо петлюровским», – говорится в документе[27]. Без сомнения, трудности украинизации начала 1920-х гг. были связаны и с субъективными настроениями многих большевиков на Украине, для которых украинский язык нередко ассоциировался с М. С. Грушевским, П. П. Скоропадским и другими «буржуазными деятелями». Неудивительно, что в заключении Я. Ряппо делает следующий вывод: «Наряду с введением украинского языка, необходимо сохранить в качестве обязательного предмета преподавания во всех учебных воспитательных и культурно-просветительных учреждениях русский язык, имеющий государственное и общесоюзное значение в приобщении к культуре Союза Социальных (так в тексте. – *Е. Б.*) Советских Республик»[28].

Очевидно, что в политике большевиков слово расходилось с делом, а требования центрального партийного руководства зачастую не совпадали с настроениями рядовых членов партии, тем более что численность украинцев в КП(б)У была невелика и к 1922 г. составляла, как известно, лишь 23%.

Несмотря на трудности с воплощением в жизнь своих планов, большевики не намерены были отступать. Более того, в начале 1920-х гг. в статьях и речах высших партийных деятелей отчетливо стали проявляться те основные направления национальной политики, которые в 1923 г. составят основу коренизации.

В октябре 1920 г. в статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» И. В. Сталин отмечал необходимость «взаимной поддержки центральной России и ее окраин», ибо без этого «невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей импе-

риализма». Экономическая взаимозависимость РСФСР и национальных республик была особенно острой: «Центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистскую кабалу без политической, военной, организационной помощи более развитой центральной России». Между тем «чтобы упрочить этот союз, нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как наследие зверской политики царизма». Чтобы советская власть стала «родной» для «народных масс окраин России», Сталин предлагал «поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке» [29]. Таким образом, уже в 1920 г. прозвучали слова о ликвидации недоверия к центру, которые тремя годами позже И. В. Сталин разовьет в тезис о полном взаимном доверии между русским пролетариатом и крестьянством иных национальностей. В речи И. В. Сталина на XII съезде в апреле 1923 г. не был новым и тезис о двоякой опасности – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма. Требования развить «богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей» [30] также войдет составной частью в сталинский план коренизации.

Таким образом, обозначенные в 1920 г. направления национальной политики не были временным лозунгом или краткосрочным политическим расчетом. Мысль о необходимости развития национального языка, культуры, школы, ведения делопроизводства на родном языке и т. п. была взята на вооружение и должна была непосредственно проводиться в жизнь аппаратом Народного комиссариата по делам национальностей. Так, Л. Б. Каменев, приветствуя от имени партии участников первого Всероссийского совещания представителей автономных республик и областей и губернских отделов по делам национальностей, которое состоялось в Москве 18-21 декабря 1920 г., также особо отметил необходимость сохранения единства центра и окраин в интересах мировой революции: «...Мы в течение этой войны сами научились, поняли это, как урок стратегический: необходимо единство центра и окраин как для спасения центра, так и для спасения окраин». Данное положение является краеугольным камнем национальной политики, именно из этого обстоятельства исходили большевики, призывая с осторожностью подходить к национальным чувствам нерусских народов. «Мы здесь, в Москве, поняли, что мы не можем жить и строить коммунистическое общество, не имея точного и определенного отношения с теми народами, которые живут и расположены вокруг Донецкого бассейна или вокруг бакинской нефти или вокруг сибирского хлеба или вокруг степных пространств, на

которых пасется скот»[31]. Отмечая тот факт, что народы, населяющие территорию бывшей Российской империи, находятся на разных ступенях общественного развития, большевистский лидер в качестве основной причины данного обстоятельства по традиции сослался на эксплуататорскую политику царского правительства. «...Нам необходимо не забывать того, что эти угнетенные нации склонны не доверять тем, кто был еще недавно частью той машины, которая их угнетала, и что мы, как коммунисты, как Советская власть, должны завоевывать это доверие»[32] — эти слова Л. Б. Каменева, произнесенные в 1920 г., отражали намерение большевиков завоевать доверие представителей различных национальностей за счет уничтожения пресловутых привилегий русского народа царского времени. Эта же мысль прозвучит и на XII съезде партии в 1923 г., когда будет широко пропагандироваться опасность «великорусского шовинизма».

Как и И. В. Сталин, Л. Б. Каменев понимал необходимость создания опоры на местах путем воспитания национальных партийных кадров: «Без школы и администрации на родном языке, без управления людьми, которые знают местную обстановку и местное население, — без этого пробудить широкие массы, которые иногда тысячелетиями держались в рабстве, нам никогда не удастся, а мы с вами только что решили, что стоять один на один против мирового империализма, не имея резервов в миллионных хозяйствах, расположенных на окраинах, мы борьбы с империализмом не выдержим. Нам нужны эти резервы. Мы знаем, что нельзя эти резервы мобилизовать приказом. Они должны расти снизу, т. е. расти на основе собственного культурного развития, пользуясь собственным языком, собственным судом, пользуясь теми коммунистами, которые вышли из его собственной среды»[33]. Подобные мнения высказывались и на XII съезде партии, во время обсуждения политики партии по национальному вопросу.

И в 1920, и в 1923 г. указывалось также на мировое значение решения национального вопроса революционной Россией. Каменев указывал: «Наше решение национального вопроса стало центром притяжения громаднейших масс индийцев, китайцев и других народов, с которыми раньше никто не считался, они были слишком бедны и слишком отсталы, у них не было вождя. Этот вождь есть теперь в лице Советской России, и, конечно, степень доверия к нам со стороны этих многомиллионных масс... будет зависеть от того, как мы решим у себя национальный вопрос»[34].

Следующим этапом в развитии национальной политики партии был ее X съезд в марте 1921 г., где с докладом по национальному вопросу выступил И. В. Сталин. В тезисах к X съезду партии И. В. Сталин в качестве одной из задач РКП(б) указывал на необходимость: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствую-

щих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке». Данное положение, так же, как и указание на опасность «искажений политики партии в национальном вопросе» как в сторону «великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма», так и в сторону «буржуазно-демократического национализма»[35], составляло один из главных принципов политики РКП(б) в национальном вопросе и в дальнейшем составило основу политики коренизации партийного и советского аппарата в национальных республиках.

Действительно, политика коренизации, хотя и была официально провозглашена лишь в 1923 г., принципиально новых идей не содержала: основные ее положения так или иначе уже звучали. На XII съезде выдвигались уже ставшие привычными пропагандистские штампы. Так, И. В. Сталин вновь указывал на опасность двоякого рода – шовинизма русского и шовинизма местного; настаивал на необходимости «принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной... чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс». Новый оттенок тактической линии партии в национальном вопросе придавало предложение И. В. Сталина дополнить равенство правовое равенством фактическим, устроив в отсталых национальных республиках «очаги промышленности»[36]. Любопытно, что национальная проблема после образования СССР в 1922 г. и принятия на XII съезде партии в 1923 г. курса на коренизацию стала рассматриваться высшим партийным руководством как практически решенная.

Таким образом, национальная политика большевиков в 1917–1923 гг. свидетельствует об очевидном стремлении центрального руководства добиться сохранения единства страны путем образования советских республик и создания благоприятных условий для развития национальных языков и культуры. Принципы коренизации прозвучали задолго до официального принятия соответствующего курса. Резкий подъем национального самосознания на Украине, деятельность национальных правительств, опиравшихся на заинтересованность Германии и других европейских стран в существовании независимой Украины, требовали воплощения в жизнь провозглашенных большевиками еще до революции лозунгов о самоопределении и свободном развитии национальной культуры, ибо существовала реальная возможность сохранения контроля над территорией бывшей Российской империи путем создания на национальных окраи-

нах советских республик. В этих целях партийное руководство всячески подчеркивало как единство интересов советских республик, так и необходимость бороться с «великорусским шовинизмом». Вопреки мнению многих партийных и советских деятелей, ожидавших в недалеком будущем мировую революцию, центральное руководство настаивало на необходимости изучения служащими национального языка, развития системы образования и средств массовой информации на национальном языке. Между тем множество насущных проблем – как экономических, так и внутриполитических – оттеснило на второй план вопрос о национальном языке и культуре вплоть до того момента, когда он стал актуальным в связи со сложным процессом образования Союза ССР. И. В. Сталин на XII съезде партии вновь обратился к прежним лозунгам и призвал партийных и советских служащих «стать ближе к народу», общаясь с нерусским населением страны на их родном языке.

Примечания

1 *Дашкевич Я. Р.* Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 56.

2 *Верменич Я. В., Бачинський Д. В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. Зб. ст. Вип. 3. Київ, 1999. С. 143.

3 *Вдовин А. И.* Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторический и концептуальный аспекты). М., 1993. С. 13.

4 *Сталин И. В.* Соч. Т. 1. С. 31-32.

5 См. подробнее *Розовик Д. Ф.* Центральна Рада й українська культура // Український історичний журнал. 1993. № 2, 3. С. 17-21; *Ротар Н. Ю.* Заходи українських урядів щодо демократизації та дерусифікації вищої освіти в Україні у 1917-1920 рр. // Питання історії України. Збірник наукових статей. Том 2. (Чернівецький державний університет ім. Ю. Федьковича.) Чернівці, 1998. С. 88-103; *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1990-1941). Стан і статус. Чернівці, 1998; *Кучменко Е. М.* Національно-культурне життя в Україні (1917-1920 рр.). Київ, 1999.

6 *Скоропадський Павло.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ, 1995. С. 48-49.

7 *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 222.

8 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. С. 234.

9 VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 425.

10 *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 306.

11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 42, 45-46.

12 *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 306-307.

13 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 334-335.

14 *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 314.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 141–142.

[16] До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

[17] Там же. С. 112.

[18] Там же.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 22.

[20] Там же. Л. 22–22об.

[21] Там же. Ед хр. 26. Л. 30.

[22] Там же. Ед. хр. 425. Л. 139.

[23] Там же. Ед. хр. 25. Л. 49, 66.

[24] Там же. Ед. хр. 26. Л. 97.

[25] Там же. Ед. хр. 425. Л. 139.

[26] *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. Киев, 1926. С. 37–41.

[27] Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО). Ф. 4402. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

[28] Там же. Л. 16.

[29] *Сталин И. В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России // *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 58, 61–62.

[30] Там же. С. 63.

[31] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Ед. хр. 433. Л. 93, 94.

[32] Там же. Л. 98, 99.

[33] Там же. Л. 97.

[34] Там же. Л. 102.

[35] *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе // *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос... С. 70.

[36] XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 481–482, 486.